

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФАДАПТАЦИИ**

Межвузовский сборник научных статей

Выпуск 4

Барановичи 2005

УДК 37.047(082)

ББК 74.200.52

А 43

*Рекомендовано к изданию советом УО «БарГУ», протокол № 6
от 28.02.2005 года.*

Рецензенты:

кафедра психологии Академии последипломного образования
(зав. каф. профессор В.А. Янчук);
А.П. Сманцер, доктор педагогических наук, профессор БГУ

Редакционная коллегия сборника:

Кандыбович Л.А., док. психол. н., проф.;
Козубовский В.М., док. психол. н., проф.;
Кочурко В.И., док. сельхоз. н., проф.;
Кухарчук А.М., канд. психол. н., доц. (науч. ред.);
Марищук Л.В., док. психол. н., проф.;
Мирзаянова Л.Ф., канд. психол. н., доц. (науч. ред.);
Савельева Т.М., док. психол. н., проф.;
Сендер А.Н., док. пед. н., проф.

Актуальные проблемы профориентации и профадаптации: Сб. науч. ст. /
А 43 Под науч. ред. А.М. Кухарчук, Л.Ф. Мирзаяновой. – Барановичи: БарГУ,
2005. – 132 с.
ISBN 985-498-012-X.

Сборник, состоящий из двух частей, содержит статьи, посвященные профессиональному самоопределению молодежи и ее адаптации к вузовским условиям обучения и профессиональной деятельности. В первой части сборника освещаются вопросы, связанные с профессиональной направленностью личности, ее потребностями и интересами, устойчивостью профессиональных намерений; содержанием, формами и методами активизации профессионального самоопределения школьников. Во второй части представлены статьи, в которых рассматриваются различные аспекты профессиональной адаптации, среди которых ее теоретико-методические основы, факторы, условия, критерии, кризисы, адаптирующие средства и др. Сборник адресуется специалистам, занимающимся профориентационной работой с молодежью, научным и практическим работникам в области образования, представителям высшей и средней школы.

УДК 37.047(082)
ББК 74.200.52

ISBN 985-498-012-X

© БарГУ, 2005

АДАПТАЦИОННАЯ ИНТЕНЦИАЛЬНОСТЬ АУДИТОРНОГО ДИСКУРСА

Задача деконструкции – принести
успех абсолютно безнадежному делу
А. Каллер

Дискурс как психологическая стратегия личности неотвратимо становится предметом серьезного обсуждения в образовательном социуме, утверждающем свое достоинство через гласность души. Составляющий обычно меньшинство населения, этот социум не желает паразитировать на устаревших парадигмах истории, требующей, в свою очередь, все новых и новых решений в духе времени (*zeitgeist*). Важнейшей задачей образовательного дискурса является соотнесение индивидуального подхода к постижению истины и ее реализации через творческую инициативу личности, которая доказывает себе и окружающим, что ее жизнь осмыслена и прекрасна не «вообще», но по поводу осуществляемого слова.

С точки зрения социальной психологии, адаптация определяется моральными ценностями того либо иного текста и санкциями за отклонение от этих норм. Со стороны личности, профессионально интерпретирующей этот текст, адаптация зависит, прежде всего, от восприятия и переоценки ценностей, норм, санкций в соответствии с «образом-Я» и «образом-Мы», выступающими в качестве нового филогенеза с необщепринятыми целями жизни. Отдаленность и отвлеченность этих целей фиксируются целым рядом областей знаний, способствующих выведению текстовой структуры как совокупности отношений, инвариантных общественному мнению (К. Леви-

Стросс, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт). В такой трактовке жизненных целей структура характеризует не просто адаптационный «хребет» на пути к цели, но аксиологическую совокупность: Я-cuintessentia – «пятую сущность», источающую научную истину как «первую» (prima essentia), эстетическую красоту как вторую (secunde), генетическое достоинство как «третью» (tersia), интенциональное счастье как «четвертую» (cvarta) сущности [8, 63] путем перестановки элементов, содержащих этимон «el» как теопсихологическую диспозиционность – individu-el. Эти элементы могут перемещаться. Их инвариантная интегративность симметрична личности, адаптированной абстрактной закономерностью определенного множества объектов, но не за счет отбрасывания их различий – difference (Ж. Деррида), а путем их вычленения, сегментизации, конкретизации и идентификации в структурном инварианте. Таким адаптационно-структурным инвариантом в логико-историческом срезе нашего, «психологического» зона является, на наш взгляд, «крест». Интерпретационную характеристику его структуры можно представить в виде сентенции Р. Барта: «единеней церковей не находят, а обнаруживают».

В действительности, ни у Р. Декарта, ни у З. Фрейда, ни у К. Роджерса и А. Бандуры мы не находим ничего принципиально нового, касающегося онтогенеза как индивидуального бытия. Так, неформально «покопавшись» в их текстах, мы обнаружим «след-следа» (Ж. Деррида), либерализирующий самость автора в грамматологической этике восточного апофатизма – «теозис» [7, 14], а также западной эстетике подспудного, подсознательного сохранения «всех слов сих в сердце своем» [Лк 2, 51]. Такое сочетание выкристаллизовало Крест, дискурсивный у Фомы Аквината и конструктивный у Р. Декарта, системно координирующий «мыслимое» и «протяженное» в «архетипно», по К. Юнгу, «врожденной идее» креста. Т. Шпидлик приводит пример Фомы Аквинского, демонстрирующего на Распятии все свои положения из Summa theologia [13, 132]. В овладении психологическими компонентами этих положений Фома исходит из дифференциации волевых индетерминант, считая, что иногда мы можем действовать в согласии с собственной волей. Но когда речь идет об объективных оценках, все зависит не от вкуса или прихоти, а от того, достаточно ли данный человек похож на человека как Божье творение, достаточно ли, добавим, он адаптирован к своему образу, развивая в себе Его подобие. Вот почему ассимиляция диспозиций переходит в сегрегацию добра и зла: то, что хорошо для одного, плохо для другого. «Зло, взятое само по себе, есть ничто» [6, 209]. Каждая вещь обладает интенциональностью как стремлением быть собой, и в этом ее добро. **Хороший человек – интенционально состоявшийся или счастливый.** А для того, чтобы быть счастливым, говорит Аквинат, надо поступать («моделировать») определенным образом или быть определенного рода личностью. «Глубинным источником всего является личностная любовь» [6, 232]. Его теология Креста явилась началом контроля интерференций науки, искусства и религии в целях освобождения личности как «прекраснейшей из Божьих творений». Здесь теология следовала Аристотелю, считавшему, что о свободе можно думать как

об отсутствии вмешательства. Томистский «примат интеллекта над верой» послужил ассимиляции исследователя в условиях научного индетерминизма: «ибо невозможно, чтобы один и тот же человек верил во что-либо и одновременно видел это, точно также невозможно, чтобы одно и то же было бы для одного и того же человека объектом науки и веры: **то, во что предлагается уверовать всем без разбору, не становится предметом научных изысканий, это вещи, которые относятся только к вере**» [6, 36]. Оптимальная степень свободы творчества достигается в области высказываний человека, овладевающего своей природой при посредстве естественного языка. Иными словами, язык доказательств получает аддитивные условия природного гетеростазиса как важнейшего компонента адаптации: согласование самооценок, притязаний и ожиданий субъекта с его возможностями и реальностью социальной среды. Либерализация значений как диспозиционная адаптация личности возможна в текстуальной деконструкции, «не замкнутой пустынным ландшафтом и усушающей формализацией. Единство аккомодации как усвоения правил игры и ассимиляции как уподобления себе ведет к преобразованию среды, подчинению ее либо забвению ради божественного наслаждения, Gottes genisen (Ж. Деррида). Тогда difference открывает «устремленность к Богу как единственной Самости, как еще одно имя страсти, обретаемое в пустынном ландшафте радикального атеизма» [5, 245 – 246]. В деконструктивной дифференциации атеизм становится способом безусловного и достоверного знания о Боге. В сфере научно-утопического образования THEOS явился «не искавшим Его, открылся не вопрошавшим о Нем» [Ис 65, 1] под видом atheis-ма, паразитирующего на Нем и дискурсирующего о Нем.

Соединением *metanoia* как индетерминантной парадигмы сознания и *metafora* как дискурсивной акциденции деконструкция служит выведению нарратива в синкретизме реального и грамматологического. Причем, деконструктивная патетика отнюдь не дискредитирует, но структурирует крестовую парадигму, поскольку не паразитирует на мистике креста, но десакрализирует через письменность как «*archi-ecrituri*», литографию, рациональную еще до игры слов. «Письменность же в метафорическом смысле, естественная, божественная, жизненная... боготворится; она приравнивается к происхождению ценностей, к голосу сознания как божественного закона, к сердцу, чувству и пр.» [5, 94]. По мысли Я. Парандовского, «метафора» настолько вошла в кровь и плоть языка, что если бы ее внезапно изъять, люди перестали бы понимать друг друга. В метафорах наиболее глубоко выражает себя дух народа, они вернее всего передают разницу в мышлении и чувствовании рас и племен. «Материя» – это философский термин (по латыни – дерево, древесина, строительный лес; по-французски *bois* – лес, древесина) [9, 159]. Так, термин *dendrite* (разветвляющийся отросток нервной клетки) в дискурсе акцидентален *древесной*, генеалогической фактуре чувств. Матерналистски выраженное поле противоречий, заложенное в восприятии слова «означаемого и означающего», ведет к историческому сопоставлению различных мировоззрений и культур. Этимологическая посылка свидетельствует о «Древе» как этимоне *аксиологии* (*axile*) в ее генеалогическом

ключе. Возможно, мифологический персонаж Ахиллеса коллажирован смыслами о ценностях и достоинстве.

Аксиологическое смыслообразование имело значение в представленном дискурсе 22 студентов Катехизического колледжа. Тема «Иаков и Исаав: цивилизация и деревня в событиях 11 сентября 2001 года». Как два «близнеца» Торгового центра ($1+1=11$): Иаков, «человек шатров» и Исаав – «человек полей» [Быт 25, 27] – ментальные прототипы иудеохристианства и ислама, материнско-инициативной (от Ревекки) цивилизации и патриархально-детерминированной (от Агари) деревни. Генеалогия Иакова, т.е. Израиля теоцентрирована городским образованием «род»; Исаав – природная реификация (reification), редуцирующая материальную фактуру и социальную экспансию. Персонаж «homo amans» как субъект генетического достоинства снимает противостояние менталитетов. Рассуждения относительно полотна М. Шагала «Я и деревня» привели нас к индетерминантной парадигме: «когда наступает совершенное, то, что отчасти, исчезает» [1 Кор 13, 7]. Консеквентная ей проекция Алены «хочу слово» возникла в синтезе информационной парадигмы «слова» и наррации «хочу» как достойного говорения в паттернах подавляюще «молчаливого большинства».

Личность молодого человека актуализирует «реальное и логичное бытие, выраженное в его разнообразии, благодати творения, обитаемого, по св. Максиму Исповеднику, в логосе твари, в самом творении» [7, 223], а не только в его религиозных представлениях. Деконструкция, располагающая информативностью Самости или «квинтэссенцией-Я» [7, 63], позволяет найти истоки синтеза слова и плоти: Логос и счастье информативно нераздельны. «Квинтэссенция-Я» вынуждает дискурсанта быть метафорично адаптированным и логично ассимилированным. Эволюция личности в условиях возрастающей апокалипсической тенденции стимулирует ее к активному поиску теопсихологических знаний. Среди литературных шедевров, используемых нами для такого поиска, выделяется роман Г. Сенкевича «Quo vadis». Теопсихологическая интерпретация включала в себя понимание любви как врожденного и приобретенного чувства личности, готовой на жертву ради Христа. Римское происхождение и даже благородная жертвенность вне Христа обречены на вымирание. Генеалогична лишь любовь евангельского содержания, распространяемая на выживаемость благородной семьи в смертельных условиях гонения на само слово «семья». В христианской зоне жизнь на земле осмысливается семейственностью Церкви в благородном подвиге «за други своя» [Ин 15, 13]. Тысячи христиан, потопленные Нероном в крови изуверства, не достигли семейного счастья на земле. И только двое влюбленных через жертвенную готовность исполнить телесно преходящие ценности христианским достоинством остались на земле ее господами [Быт 1, 29]. Так, художественная метафора может быть преисполнена смыслом психологической парадигмы metanoia: «есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как увидят Сына Человеческого, грядущего в Царстве Своем» [Мф 16, 28]. В ходе рассуждений образовался полилог:

- Неужели любовь не может обойтись без изгнания?
- Живи, пока тебя не выгоняют!
- А если тебя убивают?
- Значит, ты нужен Богу!
- Богу ты нужен, если ты никому не нужен на земле.
- Просто ты уже выполнил все и тебя уже можно убивать.
- Хорошо быть убитым за справедливость.
- Справедливость – отвлеченное понятие.
- Хорошо быть убитым за правду.
- А за какую, за чью?
- За любовь.
- За истинную любовь: «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

В направлении поиска психологической парадигмы любви нарративное моделирование «никогда не говорит никогда» дискурсу, который пытается синтезировать метаноию и метафору, логос и миф, шедевр и артефакт. Трудно дезадаптировать дискурсанта, вооруженного гипотезой *αυαλέ*. Для Ж. Дерриды любовь реализуется «фигурой, способной оказать воздействие на все, чему позволено не стать объектом забвения (тем не менее без имени этого всего). Почему бы не признать любовь – это безграничное самоотречение – в качестве того, что превосходит невозможное» [5, 240].

Метафора прочно входит в профессионально-адаптационный арсенал учителя, выражающего себя в качестве первоисточника знаний, не ангажированных патернализмом «всегда учащихся, никогда не могущих прийти к познанию истины». Во время дискурса «для верующих и неверующих» артефакт «обезьяны-труженицы» послужил посылкой для выведения религиозного статуса атеизма. При чем его номинативное (от *theos*) и ритуальное (жертвоприношение) происхождение сопровождалось метафорой «обезьяны» как атеистического тотема антигенетического *у-рода*. Данный нарратив имел грамматологическую ссылку на первоисточники: Священное Писание и «Роль труда в превращении обезьяны в человека» Ф. Энгельса. При этом Сергей Т. использовал автобиографические данные одного из основоположников научного коммунизма В.И. Ленина, на рабочем столе которого в музее все еще остается этот тотем – статуэтка шимпанзе в позе Роденовского «Мыслителя». Дискурс завершился тезисом о социабельности вида *Homo sapiens*, требующего своего информационного оснащения со стороны рода аксиологического, обеспечивающего синтез разума и потребности в новом психологическом складе личности «*Homo amantis*» с нарративной ментальностью, не дискредитирующей логику образования, но стимулирующей гетеростазис свободы.

Интуиция как симптом независимости предполагает свое полезное участие в идентификации личности, составляя собой психофизиологический субстрат ее уникальной информативности. Интуиция как созерцание, пристальное вглядывание, уже по своей номинации предполагает условие и результат опыта сосредоточения (*meditation*) на дискурсно имитируемом и художественно коллажируемом объекте. Нарративная характеристика интуиции включает в

себя понимание такого нового интеллектуального знания, которое непосредственно не опирается на рациональное доказательство, но достигается предвидением, «предчувствием мира» (И. Кант). Так, нарративная подоплека эстетической проблемы искусства инверсировалась сентенцией А.С. Пушкина «Поэзия должна быть немного глуповата».

Инновационная тенденциозность в преподавании психологии требует оживляющего эксперимента, начинающегося с архаико-этимологической проекции. Семантика термина *experiment* стимулировала дискурс. Смысл образования «ex» как извлечения послужило инверсии «reg» (для): «пэры – это же свободные люди!» Истауратор подключил алеаторику смысла к психологической парадигме, интерпретируемой как *эксперимент*, то есть «извлечение (для) свободного («пэры») разума (ment)». Свободный разум становится «чистой формой» в ее аристотелевском и схоластическом понимании. Тринитарная догматика придает рациональному познанию чистую поэтическую форму, а человеческий разум получает отмеченную Аквином возможность «не только созерцать творческое единство, но и упорядочить множество» посредством *cognition dei experimentalis* – экспериментального познания Творца. Так, трансактуализация предполагает наделение мира учеников уникальными задатками личности учителя, и наоборот. Причем избранность данного атрибутирования не сводится к элитарности, но вводится иное значение адаптации, основанной на любви, «ибо любовь совершенная изгоняет страх» [1 Ин 4, 18]. Дискурсивный поток ассоциаций ускоряет поиск вербализации уникальных возможностей личности, открывая сферу «избранности» для всех желающих в нее попасть. Необходимо признать, что первый этап осуществления этого желания сопряжен с трансактным восприятием личностью ученика личности учителя: это может быть «любовь с первого взгляда», а может быть «любовь зла – полюбишь и козла». Зато на следующем этапе происходит свободный выбор личности личностью, неминуемо содержащей в себе, по А. Бандуре, антиципаторный аспект практики принятия и культивирования форм и способов социально-когнитивной ответственности – «моделирование», согласно которому «люди функционируют как активные агенты своей самомотивации» [2, 229]. Свобода стимулирует дискурс, порождая нечто совершенно новое, во-первых, во впечатлении; во-вторых, в спонтанной реакции; в-третьих, в выборе сферы приложения творческих сил; в-четвертых, в сфере жизнеобеспечения личности, характеризующей ее аксиологическую значимость. Призыв «познаете истину и истина сделает вас свободными» [Ин 8, 32] – исходный и перспективный во всех адаптационных аспектах мотив ориентации личности в постоянно усложняющемся мире. Чем психологически организованней личность, тем устойчивей ее профессиональные интересы в силу моральной ответственности перед другой личностью, любимой Богом и любящей Его на интенциональном уровне. Чем морально ответственной личность, устойчивее ее профессиональные интересы, тем адекватнее предвидение выдвигаемых актуальных целей и предчувствие успешности их достижения.

Литература

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
3. Бахтин М.М. К переработке книг о Достоевском. – Витебск: Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1994. – № 1. – С. 23 – 28.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum). Как избежать разговора: денегаций. – Мн.: Экономпресс, 2001. – 320 с.
6. Жильсон Э. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
7. Майендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. – М.: Когелет, 2001. – 432 с.
8. Малиновский Е.Л. Теопсихология. – Барановичи: БГВПК, 2004. – 329 с.
9. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни. – М.: «Правда», 1990. – 656 с.
10. Розеншток-Хюсси О. Коперниковский переворот в грамматике / Пер. с нем. А.И. Пигалева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1996. – № 1. – С. 82 – 149 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. – СПб.: А-сac, 1994. – 405 с.
12. Хейзинг Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред и посл. Г.М. Таврзян. – М.: «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.
13. Шпидлик Т. Путь Духа / Пер. с англ. Г. Васильевой. – Полоцк – Брест: «София», 1999. – 176 с.
14. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: БЕСПРИНТ, 2000. – 410 с.